

УДК 94(477.75).04

РУССКИЙ ПОЛОН В КРЫМСКОМ ХАНСТВЕ И ТУРЦИИ В XV-XVIII ВЕКАХ

ЮРЧЕНКО В.С.

Филиал МГУ в г. Севастополе

Феномен русского полона в Крымском ханстве и Турции в XV-XVIII веках – весьма интересное, но малоизученное явление. Эти государства тесно взаимодействовали как с развитыми западноевропейскими странами, где уже отмирал феодальный уклад, так и с Речью Посполитой и Россией, где усиливалось крепостничество. О турецком и татарском полоне сложилось немало фольклорных стереотипов. В представленной статье проверяется их достоверность.

Крым был и остается миграционным перекрестком. Здесь оставили свой след многие народы, последовательно вытеснявшие и ассимилировавшие друг друга. Поэтому, на территории полуострова всегда была сложная этнополитическая ситуация. Сейчас в Крыму проживает три больших этноса – украинцы, крымские татары и русские. Все они считают эту территорию своей, а себя позиционируют как ее коренных жителей. Особенно отчетливо это проявляется в случае с крымскими татарами, которые не согласны с правомочностью включения Крыма в состав России в 1783 году. Между тем, русское государство стремилось к «покорению Крыма» в первую очередь для того, чтобы прекратить и прервать набег татар и увоз пленников.

О русском полоне в Крымском ханстве и Турции сохранилось значительное количество источников, однако их национальная принадлежность говорит об определенной однобокости источниковой базы. В полной мере могут использоваться произведения западноевропейских и русских авторов, тогда как турецкие архивы остаются недоступными для русских исследователей. К тому же в 1739 году фельдмаршал Б. Миних сжег Бахчисарайский архив. Однако сохранился важный нарративный источник турецкого происхождения – «Книга путешествий» Эвлии Челеби, который провел в странствиях около 50 лет [29]. В основном источники сохранились полностью, кроме отдельных работ, например, труда Михалона Литвина «О нравах татар, литовцев и москвитян» [15].

Чтобы оценить масштабы татарско-турецкой работорговли, упомяну крупнейшие татарские набеги на Русь. Излюбленными дорогами татар в русскую землю были Изюмский, Кальмиусский, Ногайский шляхи (последний вел в густонаселенные районы Рязани). Особенно разорительными были набеги:

- 1569 г. – когда турки и татары осадили Астрахань [10, с. 46];
- 1572 г. – битва при Молоди близ Серпухова [2, с. 48]¹;
- 1607-1617 гг. во время Смуты. Особенно следует выделить 1613 год, когда татары сидели на Руси почти «без выходу»;
- 1625 г. – когда татарам удалось захватить 50 тысяч полону;
- 1632-33 гг. – когда в полон было уведено столько народу, что стариков татарам приходилось убивать;
- 1644-1645 гг. – 20 тысяч полоняников.

В целом за первую половину XVII в. в полон попало 200 тысяч русских людей [18, с. 45, 73-76]. В XVIII в. наиболее значимым является поход 1717 г., когда татары дошли до Симбирска, и в плен было взято 20 тысяч невольников [21, с. 77].

Татары внезапно нападали на деревни, и спастись от них было невозможно, т.к. они брали с собой все, что могли унести. Мало кому удавалось спрятаться от «разбойников». Татары привязывали их конскими веревками к седлам и таким образом доставляли в

¹ Т.е. татарам и туркам удалось вплотную подойти к центру России.

Крым [7]. Захват невольников представлял собой ужасающее зрелище: «...*Един Татарин до четырёхдесяти христиан ведяше с нужею повязавши, многое же множество иссечено быть, инии же от мраза измоша, друзии же голою и жажею умираху*» [20, с. 239].

Самыми большими рынками работорговли были Каффа (Кефе) и Гёзлёв, откуда славян продавали в другие страны. Перо Тафур писал, что в Каффе рабов продается больше, чем где-либо еще [23, с. 38]. «Реализацию» невольников татары очень часто поручали армянам, хотя продавцами были также евреи и греки [18, с. 209]. Важно отметить, что представители этих национальностей часто помогали с возвратом невольников на родину. Видимо, их активное участие в работорговле объясняется не плохим отношением к славянам, а неимением других стабильных видов дохода, т.е. в большей мере это было приспособление к тем условиям, которые сложились в Крымском ханстве.

Спектр иностранных покупателей также был довольно широк. М. Литвин пишет, что рабов продавали «*сарацинам (Sarracenis), персам (Persis), индусам (Indis), арабам (Arabibus), сирийцам (Syris) и ассирийцам (Assyriis)*» [15]. Московских полоняников на рынках оценивали дешевле, чем малороссов, так как последние отличались большей покорностью и покладистостью [28, с. 539]. Больше всего русских пленников покупала Турция. В Стамбуле было несколько невольничьих рынков [19, с. 101]. Ю. Крижанич пишет по этому поводу, что, не будь сбыта в Османскую Порту русских пленников, Крым переполнился бы или обратился в «русскую землю» [9, с. 35].

Иногда пленных везли не на рынки, а на торжественное шествие в Стамбул, дабы показать всем мощь Османской империи (чаще всего это были казаки): «*Все джебежди и пушкарни вместе с чорбаджи пусть выйдут через Адрианопольские ворота, возьмут несколько тысяч голов и пленных и, следуя через весь Стамбул торжественным шествием, пройдут перед церемониальным дворцом благоденствующего падишаха*» [29]. Однако заканчивалось все довольно прозаично: «*Потом они [пленные] были отведены на галеры в адмиралтейство*» [29].

Многие путешественники отмечали, что при разделе пленных захватчики не обращали внимания на вопли матерей и детей, а разделяли их по своему усмотрению. Приведу отрывок из сочинения Э.Д'Асколли: «*По возвращении в Татарию на долю пленных выпадает новое горе: победители делят их между собою, и тогда печаль еще усугубляется тем, что иному достается мать, иному – сын, кому – муж, кому жена; затем их ведут в разные города Татарию на продажу*» [30]. Получается, с первого дня пленения русские невольники испытывали шквал горестей. Их мучили не только физически, но и морально. Ведь расставание с родными и незнание их дальнейшей судьбы, наверное, одна из самых страшных бед, которые с ними происходили.

Но у такой политики по отношению к пленным была прагматическая цель. С самого начала в людях убивали дух сопротивления. В них зарождалось отчаяние, и были неспособны к поднятию мятежа против своих рабовладельцев. Концентрация незнакомых людей на галере или в хозяйствах татар давала возможность турецкому или татарскому правительству лучше ими управлять, т.к. каждый из этих пленников был сам за себя. К тому же на галере рабы находились под постоянным присмотром. Возможность сбежать, например, с каторги, создавалась только в случае договоренности с товарищем (как, например, было с Яном Стрейсом, о чем речь пойдет ниже). Но и здесь все зависело от везения. К сожалению, далеко не все русские невольники были так храбры и верны своей родине, как это описывает нам русский фольклор, где даже девушки отличаются храбростью:

*«Не белая лебедка в перелет летит -
Красная девушка из полону бежит;
Под ней добрый конь растягается,
Хвост и грива у коня расстилаются...»* [5, с. 161].

Многие из них внутренне покорились своей доле. Лишь некоторым удавалось бежать после многих лет страдания в плену. Приведу в пример 1642 год, когда некий Симонич близ Италии сумел расковать кандалы у всей группы невольников. Таким образом, 150 человек смогли спастись. Интересно, что Иван Мошкин (один из этих пленных) позже писал, что сам он пробыл на каторге 7 лет, а его товарищи и того более. Например, Ки-

рилл Кондратьев, который был взят в полон под Тулой, находился в плену у турок 13 лет, Сенцов – 15 лет, Осипов – 16 лет, а Афанасьев – 25 [16, с. 70].

Хотя были случаи побегов, которые происходили почти сразу после пленения. Например, раненый стрелой валуевец Никифор Ветчинин сбежал из полона через две недели. А в 1646 году боярский сын А.И. Лукашов в возрасте 12 лет после трехлетнего пленения смог уйти среди бела дня на лошади. Иногда пленнику мог попасться добрый хозяин, который сам его отпускал. Так оказался на воле некий Г. Болотов [28, с. 539, 542].

Нельзя не упомянуть и о смешении поработанных с поработителями, так как многие из турок и некоторые из татар брали себе в жены славянок; некоторых пленников обращали в мусульманскую веру, так что через несколько поколений эти люди теряли свои этнические корни [16, с. 73].

Юные пленники пополняли янычарское войско. Это был удачный ход со стороны Османской империи, т.к. Турция использовала генофонд противника, усиливая свою армию и обескровливая чужую. Янычары были ядром турецкой армии. Если в 1475 г. их насчитывалось всего 6 тысяч, то в 1683 г. при осаде Вены они составляли $\frac{1}{4}$ войска; а к середине XVIII в. их количество достигло 113400 человек. Янычар воспитывали в специальных учебных заведениях в строгости, с раннего детства приучали к казарменной дисциплине. Они не имели права играть в азартные игры, пьянствовать или сквернословить. С 5 до 7 лет мальчиков отдавали на воспитание в мусульманские семьи, а только затем они попадали в специальные школы, где их и обучали военному делу, послушанию и покорности. Дисциплина была железная. О янычарском войске говорили, что один волосок ведет 40 человек. Дезертирство каралось смертной казнью, в основном, через удушение [17, с. 3, 10-11, 15, 31, 57]. Однако, по статейному списку П.А. Толстого (XVII в.), янычары *«не пекутца ни о салтане, ни о визире... только смотря на своих начальников и без всякой противности покоряются...»* [25, с. 58]. Из приведенного отрывка следует, что янычары во время войн боролись не за султана, а потому что война была их единственным ремеслом. Янычарское войско часто поднимало мятежи против своего повелителя, например, из-за плохого жалованья, которое выдавали 3-4 раза в год. Хотя питанием янычар обеспечивали бесплатно: их рацион во время похода составляли плов, лук, свежая баранина или сушеная говядина, свежий хлеб и сухари [17, с. 15]. Многие янычары становились впоследствии ремесленниками, чтобы обеспечить себя в старости. Таким образом, положение тех, кто попал в янычары, было несколько лучше, чем у других русских невольников.

Остальные славянские пленники в Османской империи и Крымском ханстве ни во что не ставились. Их могли свободно продать, подарить или обменять. О них говорили между собой как об обычном товаре. Например, Иософат Барбаро пишет: *«Тогда же родич хана... Эдельмуг... приехал в Тану. Он привел ко мне одного из своих сыновей и, бросившись меня обнимать, сказал: “Я привез тебе моего сына и хочу, чтобы он стал твоим”... он подарил мне восемь рабов, русских по национальности, говоря: “Это часть добычи, которую я забрал в России”* [3]. Этот отрывок свидетельствует о щедрости татарина по отношению к своему гостю, но показывает и положение несчастных пленных, которые вынуждены были скитаться по разным странам в зависимости от того, куда занесет их судьба, и терпеть все горести рабской жизни. Вот еще пример: *«После этого крымские воины наделили воинов наши и жителей Аккермана...¹ разнообразными солнцеликими пленниками – в таком [изобилии], что и описать невозможно»* [29].

В источниках неоднократно упоминается, что рынки невольников находились рядом с базарами, где продавался скот. М. Броневский писал, что у татар очень много невольников, *«...с которыми они обращались, как со скотом»* [6]. Очень многое в положении невольника зависело от хозяина. Рабы занимались в Крымском ханстве земледелием, а также выполняли все работы по хозяйству в доме владельца [16, с. 72]. Сами татары, в недавнем прошлом кочевники, мало что умели, и были неприветливы в быту. В походах они довольствовались скудной пищей, а их лошади питались подножным кормом. Невольники рыли колодцы, до-

¹ Аккерман – турецкая крепость на берегу Днестровского лимана. В средневековье – византийский Маврокастрон, затем – генуэзская Монкастро, в настоящее время – Белгород Днестровский Одесской области (прим. ред.).

бывали соль, собирали навоз в степи. Таким образом, труд русских рабов составлял важную часть экономики Крымского ханства. При этом они питались самой дурной пищей, им предлагали худшее питье, их одежда и жилище были жалкими [4, с. 4, 17]. Не раз путешественники упоминали, что пленникам приходилось питаться гнилым мясом [15].

Особый тип пленников составляли «работники» на каторгах и галерах. А. Уманц писал, что невольники на галерах – это почти голые, обросшие волосами люди, которым железные цепи постоянно въедались в кожу. При этом если кто-либо из этих людей начинал слабее грести, надсмотрщики били их плетью. Но несчастные рабы не имели права прекращать свою работу. Единственное, что им оставалось – извиваться всем телом и бросать безнадежные взоры к небу [27, с. 16]. А ведь почти все пленные мужского пола попадали именно на эти беспощадные корабли.

Иногда турецкий султан даже специально посылал крымского хана в поход для захвата пленных, если в это время строились новые корабли, для которых были необходимы гребцы [16, с. 68]. Очень интересным в этой связи является рассказ европейского путешественника Яна Стрейса: *«Затем меня отправили на галеру, где было пятьсот рабов; с меня сняли платье, обрезали мне волосы, и голым, только в тонких полотняных подштанниках, посадили за весла, с которыми мы шестером управлялись. Меня приковали к москowitzу, который уже более двадцати четырех лет пробыл на галере... Шесть недель просидел я на галере не без тяжких наказаний плетью от надсмотрщика, который угощал мою голую шкуру. Если даже я или кто иной гребли ловко и изо всех сил, жестокий палач бил всех без разбору, считая непорядком, если он не слышит чьих-нибудь криков... Мой товарищ, русский, часто уговаривал меня бежать... Этот русский уже несколько раз пытался бежать; но его каждый раз постигали, вследствие чего он потерял уже уши и нос»* [31].

Наказания за различные оплошности были направлены на то, чтобы сломить волю человека в плену. Ведь не так уж и много попадалось таких «москowitzов», которые после стольких увечий готовы были снова решиться на побег. Во избежание побега, после завершения дневных работ, пленных на ночь запирали в темные клетки. Частой пыткой было подрезание подошв ног и засыпание ран рубленным конским волосом [27, с. 13]. Непокорным прижигали раскаленным железом щеки и лбы [15].

Из этого можно сделать вывод, что невольники мужского пола не могли надеяться на лучшую жизнь в турецком или татарском плену. Но все зависело и от хозяина, к которому попадали рабы, а также от их благосклонности к господину, который умел быть благодарным. Вот что писал Я. Стрейс: *«Он [хозяин] был жизнерадостный и щедрый человек, особенно склонный ко мне... Мои обязанности и занятия были настолько приятны, что я не мог пожелать себе лучших и более спокойных дней, даже если бы был рабом у турок за пределами этого государства»* [31]. То есть покорность невольников, которые прислуживали в хозяйстве у турок и татар, давала им шанс на нормальные условия существования. Но всё же они оставались рабами.

В турецких законах рабов также чаще всего упоминали как вещи или скот. Например, за кражу раба предполагалась смертная казнь [8]. Но при этом раб не ставился выше какого-нибудь верблюда или лошади. Вероятно, столь суровое наказание обуславливалось давней традицией уважения чужой собственности, которая сформировалась на Востоке. В тех же законодательных актах раб упоминается вместе со скотом: *«Разве лишь в том случае, когда [будет продана] часть рабов и рабынь или часть скота»*.

Однако рабов в Турции часто наказывали менее сурово, чем свободного человека [8]. Возникает вопрос: почему? Видимо, потому что Османская империя стремилась продемонстрировать себя на мировой арене как культурное государство, тем более что она стояла в дружественных отношениях с самыми цивилизованными монархиями тогдашнего мира – Англией и Францией. В Крымском ханстве и Турции рабы через 6-7 лет освобождались из рабства [15], но не могли покидать границ страны. Так Османская империя демонстрировала миру свой «гуманизм», но ничего не теряла в хозяйственном отношении, т.к., получив свободу, пленник продолжал возделывать землю или начинал торговать, а значит, платить налоги и пополнять казну. Тем временем из очередных набегов татары приводили свежий полон на смену получившим свободу рабам.

Что могло ждать освобожденного пленника в России, если бы его отпустили домой? Дом, скорее всего, был сожжен татарами, на его месте обосновались другие люди. В Московском государстве активно шло закрепощение крестьян. Поэтому, многие бывшие пленники охотно продолжали служить татарам. Например, человек боярина Шереметева «обасурманился» (т.е. принял ислам), чтобы стать впоследствии толмачом при ханском дворе [4, с. 20]. Случаи карьерного взлета бывших рабов, даже при смене веры, были крайне редки. Но случаи перехода в ислам не были исключительными.

Татары распространяли среди полона слух, что после 6-7 лет рабства пленникам предоставляется свобода. На самом деле так называемые «урочные годы» значительно варьировались: от 8 до 32 лет [28, с. 537]. Как правило, пленнику не суждено было вернуться на родину. В Крымском ханстве были часты неурожаи, что напрямую отражалось на судьбе русских невольников. Так, в 1629 году послы Кологривов и Дуров отправились в Крым за традиционным выкупом невольников, однако, там им ответили, что почти все невольники вымерли.

Неурожаи в период Крымского ханства были зафиксированы еще в 1455 г. [12, с. 207]. В 1556 г. в Крыму наблюдалась «язва» у скота из-за бескормицы. В 1628-1629 гг. Крым постигла чума, а посевы уничтожила саранча. Страшный голод постиг ханство в 1641-1646 и в 1657 гг. За четверть пшеницы в первый недород и засуху платили 8 золотых [24, 157, 313]. Такую же сумму, но уже за осьмину пшеницы, отдавали в 1657 г.¹ Неурожаи являлись одной из основных причин татарских набегов. Так, еще в 1630 году написано турецкому султану: *«И как де приходили бить челом царю мурзы и татарова, что оне оскудали, полону у них нет и хлеб в Крыме не родитца чтоб царь им велел идти Московское государство воевать...»* [26, с. 95].

Во время голода часты были случаи людоедства среди населения. Однако рабов, видимо, все же не ели, т.к. их продажа была единственной возможностью купить необходимые продукты и выжить. В голодные годы XVII в. одного невольника продавали за 100 рублей. Из приведенных в прим. 1. соотношений можно догадаться, что такая сумма могла обеспечить безбедное существование русского человека на протяжении года.

В годы, когда Крым захватывал большой полон, рабы продавались по очень низкой цене – за 10 крымских золотых [18, с. 77, 110, 182, 343]. 10 золотых равнялись примерно 3,5 рублям – очень малая сумма за человеческую жизнь. Но цена, за которую продавался полоняник, далеко не всегда влияла на его дальнейшую судьбу. Если пленника покупали для сельскохозяйственных работ за огромную сумму, с ним вряд ли обращались плохо. Но Турция скупала русских пленников после неудачных набегов за большие деньги, чтобы использовать их на галерах в качестве «пушечного мяса».

Оставшись в Турции или Крымском ханстве после освобождения и не изменив своей вере, бывшие русские пленники вынуждены были платить джизью – налог, взимавшийся с немусульманского населения. Вначале она собиралась с двора (очага) и можно было уйти от налога, просто арендовав помещение, но с 1690 года этот налог обязаны были платить все взрослые мужчины немусульмане [13, с. 78].

Турки и татары были веротерпимы, и религиозного гнета пленники не испытывали. Например, в Каффе находилось 12 христианских церквей. Да и сами невольники старались сохранить свою веру. Ведь это единственное, что связывало их с родной землей и прошлым. Например, каширянина Андрея Писарева силой женили на наложнице иной веры, но детей он назвал Ивашкой и Анюткой. Некоторые потомки русских пленников бежали в родную землю и знали о своей вере благодаря родителям. У русских невольников были и свои святые: Параскева Пятницкая, Варсонофий Казанский (что примечательно, последний тоже был пленником). Именно ему те, кому удалось вернуться в Россию, впоследствии посвящали построенные ими церкви [28, с. 337 - 338].

Шанс вернуться на Родину у русских пленных был – посредством выкупа. Еще Иван IV ввел специальный налог, который в XVI веке назывался «посошный сбор» (т.к. соби-

¹ 8 золотых в XVII веке примерно равнялись 3 рублям [22, с. 375], на которые в России можно было запастись солью, конскими упряжками, отдать налог на церковь, а также купить шапку, шляпу, рукавицы и другие предметы гардероба. Причем 3 рублей на все вышеперечисленное хватало на год [14, с. 398].

рался с каждой сохи). Впоследствии он был заменен «подворным налогом». Эти деньги, в основном, получаемые с крестьянских хозяйств, шли в посольский приказ. Цена за выкуп представителей разных сословий отличалась. В XVI веке за дворянина предлагали 20 рублей с каждых ста четвертей его поместной земли, за московского стрельца давали 40 рублей, за украинского¹ – 25, за посадского человека – 20 рублей, за пашенного крестьянина или боярского человека – 15 рублей [16, с. 71-72]. В год выходило около 20 000 рублей, что в несколько раз превышало поминки² [4, с. 28].

Татары быстро научились разбираться в происхождении невольника, иногда пленный сам вступал с порабителителями в переговоры о выкупе. Если его родственники могли предложить больше, чем продавец мог выручить с продажи этого пленного, устанавливалась связь с его родными. За выкуп знатных невольников хан мог выручить громадные суммы. Так, в 1577 году Иван Грозный заплатил за плененного Василия Грязнова 2000 рублей [16, с. 72]. Часто татары не знали меры в своих претензиях. За В.Б. Шереметева они запросили 70 тыс. рублей и 50 татар. А за Андрея Ромодановского – 80 тысяч и 60 татар. Последний эпизод имел место в 1668 году. После долгих переговоров было уплачено 40 тыс. рублей [28, с. 347].

Бывали случаи, когда московское правительство отправляло в качестве окупа вместо денег соболя и шубы, но не могло распродать их в Крыму и не получало средств на выкуп пленных [26, с. 46]. Путь в Крым был опасным. Довезти меха туда в целости еще представлялось возможным, а доставить их непроданными обратно было куда сложнее. Из-за нападений разбойников этот ценнейший экспортный товар исчезал безо всякой пользы для экономики и демографии России.

Иногда родственники пленных сами отправлялись в Крымское ханство их выкупать. Так, в 1632 году в плен был взят козловец Прокофий Давыдов вместе со своим старшим сыном Антипом. Им довелось 13 лет отработать на разных каторгах, прежде чем младший сын Прокофия Иван смог выкупить отца. За Антипа платить было уже нечем. Ему повезло, и он благополучно вернулся домой без выкупа (но такие случаи были редки). Часто пленников выкупали иностранцы, особенно паломники, которые таким образом хотели замолить свои грехи. Были и особые иностранные промышленники, которые на выкупе и передаче пленных зарабатывали деньги. Первое место здесь занимали греки. В 1645 году грек Исай Астафьев привез в Москву нижегородца Лариона Молчанова. При этом он просил за него 125 рублей и 23 рубля издержек. В ходе переговоров он получил «всего» 100 рублей. Предприимчивым «освободителям» везло: в России не было принято отказывать в подобных случаях и возвращать невольника обратно [28, с. 344-345].

Для выкупа знатных невольников из Крыма специально снаряжались послы русского государя, которые разыскивали таких людей и старались уменьшить сумму их выкупа. Позже на границе с Крымским ханством появились специальные «разменные пункты», находившиеся на Дону, в Белгороде и ряде других городов. В Крыму даже была специальная должность – «разменный бей» [16, 71-71]. Разменный пункт имел вид укрепленного лагеря. Долгое время разменным местом служила Валуйка, которая находилась на границе со степью. Однако татары неохотно отправлялись туда. Во время подобных сношений с Россией крымцы пытались передвинуть место размена южнее, к татарским владениям (возможно, даже в Азов или Тор). Так, в 1672 году крымский гонец Мамет Хазым Амылка прибыл в Москву и требовал перенести разменное место на Донец.

Существовал также и индивидуальный размен, т.е. выкуп отдельных пленных. Например, выкуп в 1677 году В.Б. Шереметева проходил в Азове [1, с.164, 173]. В этом случае место обмена назначалось по соглашению сторон. При размене шел упорный торг. Пленного русского часто обменивали на пленного татарина. Причем татары писали из неволи своим близким сентиментальные записки [28, с. 341-343].

По возвращении на родину полоняники должны были получать специальный окуп за «полонное терпение». Однако в реестре делам крымского двора часто упоминаются челобитные царю с прошением о выдаче этого окупа [1, с. 32, 46, 149], что свидетельствует о

¹ Т.е. служившего в пограничном гарнизоне (прим. ред.).

² Так называлась дань татарам, выплачиваемая Российским государством Крымскому хану (прим. ред.).

задержке его выплаты. Частые прошения о выдаче окупа наводят на мысль, что сумма была значимой для бывших пленников и необходимой для восстановления их хозяйства.

В заключение отмечу еще один феномен, связанный с русским полонем: окатоличивание бывших пленников. Выше упоминалось, что освобождением русских невольников часто занимались европейцы, особенно жители Венеции, которая периодически вела войны с Турцией. Поэтому русские пленники попадали в европейские государства, где им выдавались специальные грамоты, благодаря которым они получали приют на пути в Россию. Нередко европейские власти предлагали бывшим рабам остаться, т.к. понимали потенциал этих людей, закаленных в неволе. Силу не применяли, но находились люди, которые соглашались на предложение [28, с. 545 - 549]: «А взяли их [невольников] Виницеяне на бою, и тем Виницеяне из... казны давали из воли деньги и устроили их на кораблях служивыми людьми, кто похотел остаться» [11, с.156]. Большинство русских предпочитали возвратиться домой. Но те, кто оставался, чаще всего переходили в католичество и становились поданными других держав. Таким образом, для Отечества терялась и эта часть русского населения.

На основании вышеизложенного, можно сделать следующие выводы.

1. Положение русских пленных было тяжелым, хотя крымские татары и турки пытались доказать другим народам, что они не были жестоки со своими рабами. Эти доказательства строились на двух постулатах: веротерпимость и так называемые «урочные годы», когда русским невольникам давалась свобода. Действительно, открытой политики гонений против христиан не наблюдалось, но пренебрежительное отношение к людям иной веры демонстрировалось, а освобожденные рабы были обязаны платить джизью. Дети русских пленников становились свободными, только если были рождены в мусульманской вере. Ради лучшей доли для своих детей многие полоняники переходили в ислам.

2. Шансы вернуться на родину у русских пленников были невелики. 6-7-летний срок «урочных лет» часто не соблюдался. За это время из рабов старались «выжать» все силы. Меры русского правительства по организации выкупа пленных были не всегда удачными и далеко не достаточными. При этом, экономика Крымского ханства выигрывала в любом случае: за пленника платило либо его собственное правительство, либо покупатели на рынке.

3. Если пленнику удавалось вернуться на родину, ему не всегда удавалось получить от правительства положенный окуп за «полонное терпенье» и восстановить свое разоренное хозяйство.

Таким образом, «татарский полон» был очень выгоден для Османской империи и Крымского ханства, но серьезно тормозил экономический и демографический рост в России. Кроме того, эта практика наложила негативный отпечаток на взаимоотношения между русским народом с одной стороны и татарами и турками с другой. Он сказывается на взаимоотношениях между этими народами по сей день, столетия спустя.

Источники и литература.

1. Бантыш-Каменский Н.Н. Реестр делам Крымского двора с 1474 по 1779. Симферополь: Тип. Таврического губернского правления. 1893.
2. Барсамов Н. Феодосия. Краеведческий очерк. Симферополь: Крымиздат, 1953.
3. Барбаро Иософат. Путешествие в Тану. [Электронный ресурс] // Сайт «Восточная литература». Режим доступа: <http://www.vostlit.info/Texts/rus9/Barbaro/frametext.htm>
4. Бережков М.Н. Русские пленники и невольники в Крыму. Одесса: Тип. А. Шульце, 1888.
5. Библиотека поэта. Исторические песни. Малая сери. 3-е изд. Л., 1956.
6. Броневский С.М. Исторические выписки [Электронный ресурс] // Сайт «Восточная литература». Режим доступа: <http://www.vostlit.info/Texts/rus9/Bronevskij/frametext1.htm>
7. Гийом Левассер де Боплан. Описание Украины [Электронный ресурс] // Сайт «Восточная литература». Режим доступа: <http://www.vostlit.info/Texts/rus12/Boplan/text2.phtml?id=190>
8. Книга законов султана Селим-хана. [Электронный ресурс] // Сайт «Восточная литература». Режим доступа: <http://www.vostlit.info/>
9. Крижанич Ю. План завоевания Крыма. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1891.
10. Крымский историко-публицистический альманах. Фонд «Москва-Крым». Вып. 2. М., 2000.
11. Ламанский В. О славянах в Малой Азии, Африке и Испании // СПб.: Тип. Имп. АН., 1859.
12. Материалы по истории и археологии Крыма. К.: Наукова думка, 1917.

13. Мейер М.С. Османская империя в XVIII веке. Черты структурного кризиса. М.: Наука., 1991.
14. Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: Росспэн, 2001.
15. Михалон Литвин. О нравах татар, литовцев и москвитян. [Электронный ресурс] // Сайт «Восточная литература». Режим доступа: <http://www.vostlit.info/Texts/rus/Litvin/frameset1.htm>
16. Надинский П.Н. Очерки по истории Крыма. Ч. I. Симферополь: Крымиздат, 1951.
17. Николле Д. Янычары. М.: Астрель, 2004.
18. Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в XVII веке. М.: Изд-во АН СССР, 1948.
19. Петросян Ю.А. Русские на берегах Босфора.. СПб.: Ин-т востоковедения РАН, 1998.
20. Полное собрание русских летописей. Т. 25.. М.: Изд-во АН СССР, 1949.
21. Попов Е.И. О некоторых малоизвестных фактах российской политики в отношении Крыма в XVII – XVIII веках // Материалы II Международной научно-практической конференции «Крым в контексте русского мира: история и современность», 2008.
22. Прохоров Д.А. Некоторые проблемы изучения истории Крымского ханства в отечественной историографии (1920-30-х гг.). Симферополь, 2000.
23. Рудь Я. Сказание о Феодосии. Симферополь: Редотдел Крым. ком. печати, 1994.
24. Русский архив / Под ред. П. Бартенева. М.: Университетская типография, 1889.
25. Русский посол в Стамбуле. М.: Главная редакция восточной литературы, 1985.
26. Савелов Л.М. Из истории сношений Москвы с Крымом при царе Михаиле Федоровиче. Симферополь: Таврическая Губернская типография, 1906.
27. Уманц А. Исторические рассказы о Крыме. Севастополь: Тип. Севастопольского листка, 1887.
28. Шереметевский В. Русская старина. Кн. II. Февраль-март 1913. СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1913.
29. Эвлий Челеби. Книга путешествий. [Электронный ресурс] // Сайт «Восточная литература». Режим доступа: <http://www.vostlit.info/Texts/rus8/Celebi3/text8.phtml?id=1734>
30. Эмилио д'Асколли. Описание Черного моря и Татари. [Электронный ресурс] // Сайт «Восточная литература». Режим доступа: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Krym/XVII/1620-1640/Askoli/frameset.htm>
31. Ян Стрейс. Три путешествия. [Электронный ресурс] // Сайт «Восточная литература». Режим доступа: <http://www.vostlit.info/Texts/rus13/Strejs/frameset2.htm>